

DOI 10.24411/9999-001A-2020-10017
УДК: 902/904 + 902.6

Ю.Н. Гаркуша
Институт археологии и этнографии СО РАН
пр-т Академика Лаврентьева, д. 17, г. Новосибирск, Россия, 630090
garkusha@archaeology.nsc.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8856-7495>

К истории археолого-архитектурного изучения городища Усть-Войкарского (север Западной Сибири)

Аннотация

Городище Усть-Войкарское (север Западной Сибири) относится к группе уникальных археологических объектов с мерзлым культурным слоем. Фактор мерзлоты обеспечил хорошую сохранность развалин различных деревянных строений. За время раскопок выделены остатки около 30 жилых построек. Археологическое изучение имеет десятилетнюю историю. Целесообразно представить ее двумя этапами: 2003–2008 гг. и 2012–2016 гг. Публикационная активность отражает преимущественно проблемы изучения архитектуры и строительного дела в хронологическом аспекте. В большинстве случаев она основана на материалах второго этапа. В связи с этим актуальным представляется формулирование достижений в этой области. Особое внимание уделяется наблюдениям и интерпретациям, которые стали фактом историографии, но со временем показали свою спорность или ошибочность.

Ключевые слова: Усть-Войкарское городище, Войкарский городок, север Западной Сибири, обские угры, архитектура, археологическое исследование, дендрохронология

Yu.N. Garkusha
Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian branch
of the Russian Academy of Sciences
Academician Lavrentiev Avenue, 17, Novosibirsk, Russia, 630090
garkusha@archaeology.nsc.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8856-7495>

On the history of the archaeological and architectural study of the Ust-Voikarsky settlement (the North of Western Siberia)

Abstract

The Ust-Voikarskoe settlement (the North of the Western Siberia) belongs to a group of unique archaeological sites with a frozen cultural layer. The permafrost factor ensured good preservation of the ruins of various wooden structures. During the excavations, the remains of about 30 residential buildings were identified. Archaeological research has a ten-year history. It is advisable to present it in two stages: 2003–2008 and 2012–2016. Publication activity mainly reflects the problems of studying architecture and construction in a chronological aspect. It is based on materials from the second stage. In this regard, it seems relevant to formulate achievements in this area. Special attention is paid to observations and interpretations, which have become a fact of historiography, but over time have shown their controversy or fallacy.

Key words: Ust-Voikarskoe settlement, Voikarsky town, North of Western Siberia, Ob Ugrians, architecture, archaeological research, dendrochronology

Введение. Археологическое изучение городища Усть-Войкарского, памятника позднего средневековья — нового времени, расположенного на юго-западе ЯНАО, имеет практически десятилетнюю историю, которую на сегодняшний день целесообразно предста-

вить двумя хронологическими этапами.

Памятник относится к группе объектов с мерзлым культурным слоем. Фактор многолетней мерзлоты обеспечил уникальную сохранность всего комплекса археологических объектов, в том числе выполненных из

различных органических материалов. Таким образом, культурные слои поселения явились источником уникальной информации о материальной культуре населения севера Западной Сибири в названный период.

В связи с этим актуальным представляется определение тех достижений, которые нашли отражение в публикациях, связанных с проведением исследований на этом памятнике. Рассматриваются результаты изысканий, предметом которых явились архитектура и планировочная структура поселения. Особое внимание уделяется тем суждениям, которые стали фактом историографии, но со временем показали свою сомнительность, а в ряде случаев и ошибочность, но, тем не менее, продолжают привлекаться в качестве источника.

На современной археологической карте ЯНАО городище Усть-Войкарское появилось сравнительно недавно, после разведочных работ в Шурьшкарском р-не, проведенных в 1993 г. группой Ямальской археологической экспедиции ИИиА УрО РАН (Н.В. Федорова, Е.И. Кочегов) [Косинская, Федорова, 1994, с. 58–59].

Стационарные работы на памятнике были начаты в 2003 г. и продолжались до 2008 г. Тем самым были определены временные границы 1-го этапа полевых исследований. Изыскания проводились силами сотрудников ИИиА УрО РАН (г. Екатеринбург) и ОМВК им. И.С. Шимановского (г. Салехард) под руководством А.Г. Брусницыной и Н.В. Федоровой.

По мнению первых исследователей памятника, археологическое «городище» возможно идентифицировать как известный по письменным и фольклорным источникам Войкарский городок. Его местонахождение связано с левобережьем нижнего течения Оби [Брусницына, 2003, с. 45; Федорова, 2006, с. 11]. Этот населенный пункт входил в круг аборигенных средневековых «городков», выполнявших функцию различных по своему назначению локальных центров для коренного населения севера Западной Сибири [Первалова, 2004, с. 214].

Проведенные археологические раскопки свидетельствуют в пользу гипотезы о существовании в этой местности значимого населенного пункта. Однако привлекаемые историографические источники для обоснования возможной связи археологического памятника с историческим поселением содержат скудную и неоднозначную информацию¹.

Полученные результаты и их об-суждение. Основные задачи, поставленные в первый год раскопок, бывших, по сути, рекогносцировочными, — получить представление о стратиграфии памятника,

характере его культурного слоя. Местом для проведения первых изысканий был определен холм, с которого происходил подъемный материал, полученный во время разведки 1993 г. Именно с этим ландшафтным объектом за время полевых работ стало ассоциироваться «городище». Была заложена траншея близ его северной оконечности, проходившая по западному склону холма, от подножия до границы верхней площадки [Брусницына, 2003].

Основу культурных отложений составили неперегнившие отходы деревообработки, находившиеся в замершем состоянии. Верхняя граница мерзлоты проявилась на глубине 0,15–0,2 м. Были обнаружены остатки различных деревянных сооружений, обозначенные на этом этапе как настилы и частоколы. Получен разнообразный предметный комплекс, выполненный в основном из древесины и бересты. По итогам первого года работ был сделан вывод, что материальная культура обитателей городка «визуально близка современным нижеобским хантам». Тем самым устанавливалась ее связь с культурой коренных жителей региона.

На следующий год в северной части верхней площадки холма были выявлены остатки сразу восемь срубных построек. По факту стратиграфического расположения предположена их одновременность. Первые результаты дендрохронологического исследования древесины из этих построек позволили предварительно обозначить период их строительства как конец XVII — середина (или начало) XIX в. [Федорова, 2004]. Прогнозируемый долговременный характер существования поселения обусловил актуальность и перспективность исследования «городища». Ожидаемые результаты предполагали фундаментальную направленность — возможность реконструировать «длительную историю развития, взаимодействия и смешения этносов и культур в регионе» [Там же, с. 108]. Также в 2004 г. у подножия были выявлены контуры объектов, впоследствии получивших обозначения построек 10 и 11 [Брусницына, 2005, с. 22].

Обобщив материалы раскопок 2003–2004 гг., А.Г. Брусницына предложила первый опыт периодизации Усть-Войкарского городища. На основе планиграфических, стратиграфических наблюдений, в процессе которых фиксировались изменения в строительных традициях, дополненные промежуточными результатами дендрохронологических исследований, было выделено четыре хронологических этапа или, как указывает автор, «строительных горизонтов» [2005].

В качестве границы между ранним 1-м и 2-м этапами рассматривалось начало XV в. К 1-му этапу были отнесены сооружения, обозначенные как «настил 3», «настил 4», и находящиеся в процессе зачистки двухкамер-

¹ Обзор публикаций о проблеме соотношения археологического «городища» и исторического «городка»: [Гаркуша, 2019].

ное сооружение «коридор». Эти сооружения располагались у северо-западного подножия холма. В ходе последующих раскопок установлено, что «коридор» представляет собой остатки двух отдельных каркасно-столбовых жилых сооружений. Им были присвоены обозначения построек 10 и 11. Время сооружения этих построек методом дендрохронологии установлено как конец XIII — начало XIV в. [Гурская, 2008, с. 221]. Таким образом, высказанное А.Г. Брусницыной предположение о более сложной структуре раннего периода строительной истории поселения получило свое обоснование.

Ко 2-му этапу были отнесены остатки срубной жилой постройки 4, расположенной на верхней площадке холма, и обнаруженный на склоне бревенчатый «часток 2» — наиболее вероятный пример сооружения, имеющего оборонительную функцию. Опираясь на имеющиеся дендродаты, исследователь время строительства постройки 4 относит к концу первой трети XVI в. Но впоследствии хронология постройки автором дендрохронологических исследований М.А. Гурской была уточнена серединой XVII в. [Гурская, 2008, с. 217]. Завершается 2-й этап концом XVI в.

Этап 3 отличается значительной длительностью. Его пределы определены концом XVI — концом XVIII в. Представлен четырьмя жилыми срубными постройками и сооружением из бревен «часток 1», расположенным по западному краю верхней площадки. Для трех построек (№ 5, 6, 8) и частокла были представлены дендродаты.

Начало 4-го этапа, завершающего, отнесено к концу XVIII — началу XIX в. К этому этапу отнесены срубная жилая постройка 2 на верхней площадке холма и «настил 1» у западного подножия.

Предложенная А.Г. Брусницыной периодизация позволила получить первое общее представление о хронологии памятника. Однако разделение на этапы, в силу ограниченности на тот момент имеющегося материала, выглядит слабо обоснованным. Несмотря на утверждение, что периодизация учитывает изменения в строительных традициях, критерии, на основе которых фиксируются эти изменения, прописаны не были. Кроме того, упомянутые объекты находились в различных стадиях полевых исследований. К тому же результаты датирования имели предварительный характер и основывались на данных дендроанализа только части образцов из серий, происходящих из конкретных объектов. Серьезным упущением явилось и то, что дендродаты были трактованы без учета архитектурного контекста происхождения образцов, использованных для датирования.

Невнимание к источнику датирования приводит в конечном итоге к некорректной

реконструкции строительной истории объектов [Черных, 1996, с. 58–64]. К примеру, исследователь указывает, что строительство постройки 8 приходится на 30-е гг. XVIII в. Другие источники информируют, что древесина с такими датами заготовки происходит из заполнения постройки, т.е. для нее отсутствуют достоверные сведения о ее принадлежности к элементам данной конструкции. Тем не менее приведенные даты интерпретированы как время ее строительства. Вместе с тем, по результатам дендроанализа, выполненного М.А. Гурской, деревья для стен постройки 8 были рублены почти на 100 лет ранее [2008, с. 217, 219]. В свою очередь, приходится констатировать, что разночтения в определении времени строительства различных объектов неоднократно отмечаются в публикациях, касающихся исследований на 1-м этапе. Окончательные результаты датирования строений, выполненные методом дендрохронологии, представлены в публикации М.А. Гурской [2008].

Также А.Г. Брусницыной были высказаны суждения о характере изменения площади городища, о связи этого процесса с демографической ситуацией на поселении [Брусницына, 2005, с. 25–26, 29]. Однако доводы в пользу приведенных исследователем гипотез выглядят уязвимыми. Так, естественное уменьшение предполагаемой площади верхней площадки по мере увеличения высоты холма признается автором достаточным посылком для суждений о синхронном сокращении территории «городища». Такое предположение высказано в отсутствие сведений о пространственной организации поселения, соответствующей условным «строительным горизонтам». Отсутствует эта информация и в настоящее время в связи с ограниченными по площади и глубине исследованными участками на фоне размера общей территории памятника.

Вопрос о соотношении численности населения «Войкарского городка» и площади «городища», рассматривается с опорой на материалы ревизий конца XVIII — середины XIX в., в которых встречается этот ойконим. По мнению исследователя, требует объяснения ситуация, когда данные переписей демонстрируют рост населения, в то время как в своем развитии территория «городища» сокращается. Из этого суждения следует прямое отождествление указанной в делопроизводственных источниках численности населения с возможным числом жителей собственно населенного пункта. Такой поход нельзя признать вполне корректным, так как он не учитывает различные подходы, реализуемые при учете податного населения на севере Западной Сибири. В частности, этнографами отмечена практика, когда при формировании ревизских списков полуседлое угорское население для оп-

тимизации фискальных мероприятий приписывалось к тому или иному ближайшему относительно крупному и постоянному населенному пункту [Бабаков, 1976, с. 101, 105; Перевалова, 2004, с. 191]. Так, к Войкарскому городку было приписано обское население, проживающее при впадении р. Войкар в Малую Обь [Перевалова, 2004, с. 232].

Следующий вариант строительной истории Усть-Войкарского городища был предложен Н.В. Федоровой [Федорова, 2006]. Периодизация построена на материалах раскопок 2003–2005 гг. Основываясь на тех же принципах, что и А.Г. Брусницына, исследователем было выделено уже 6 строительных горизонтов.

Самый ранний, 6-й, был представлен близкими по конструкции каркасно-столбовыми постройками 10 и 11. На первом этапе расчистки, напомним, они воспринимались единым объектом, предварительно обозначенным как «коридор». В отсутствие по этим постройкам дендродат на момент подготовки публикаций авторами раскопок возможное время их строительства было отнесено к XII–XIV вв. Как уже указывалось, дендрохронологическое исследование М.А. Гурской в целом подтвердило предположение, высказанное на основе анализа археологических реалий. К этому же горизонту предварительно был отнесен и «часток 3», что было затем подтверждено результатом дендроанализа.

Горизонт 5 представлен остатками «частокола 2», вскрытого на западном склоне холма. Он был сформирован из бревен длиной около 5 м; в стене обнаружен оборудованный проход шириной 0,6 м. По результатам дендроанализа время его строительства определено 1412 г. К этому же горизонту отнесены два яруса настилов у подножия холма. Предположительно — мостки для передвижения по увлажненным участкам поселения. Нумерация объектов автором не приведена, но из описания контекста их расположения следует, что речь идет об упомянутых А.Г. Брусницыной «настилах» 3 и 4. По данным дендроанализа, они могли появиться в начале XV в.

Горизонт 4 был выделен по стратиграфическим наблюдениям, в отсутствие данных дендрохронологии. К нему был отнесен «часток 4», расположенный на верхней площадке, представленный двумя размещенными под прямым углом рядами из бревен небольшого диаметра. Эти участки были частично перекрыты остатками датированных построек 8 и 5, что позволило предполагать время появления «частокола» концом XVI — началом XVII в.

Горизонт 3 датирован XVII в. К нему отнесены: бревенчатый «часток 1»; «плетень», перекрытый постройкой 4; срубные постройки 5 и 6 (была вскрыта только не-

большая их площадь). К постройке 6 было отнесено и внешнее ограждение из вертикально установленных колов и досок. По мнению исследователя, оно могло выполнять функцию «завалинки». По данным объектам были представлены дендродаты.

Горизонт 2 представлен жилой срубной постройкой 8. Выше были отмечены различия в определении хронологии этого строения. Н.В. Федорова вновь приводит даты образцов из заполнения, но оговаривает, что время эксплуатации постройки, основанное на этих датах (1-я половина XVIII в.), имеет предварительный характер, в отсутствие пока данных по другим образцам. Как ранее было отмечено, датирование всей серии образцов древесины из этой постройки позволило уверенно отнести время ее строительства к середине XVII в.

Постройка 8 явилась одним из немногих объектов 1-го этапа, исследованных достаточно полно. В рассматриваемой публикации автор довольно подробно представила описание ее конструкции и интерьера. К примеру, указывалось: вход в однокамерное жилище дополнительно был оборудован небольшим коридором; в углу помещения сооружалась глинобитная печь типа «чувал»; вдоль стен, при свободной центральной части помещения располагались нары и др. Кроме того, было установлено, что постройка неоднократно подвергалась серии локальных ремонтов.

Планиграфические данные позволяли допустить, что с постройкой 8 хронологически могут быть связаны остатки соседней постройки 9, что было впоследствии подтверждено М.А. Гурской [Гурская, 2008, с. 220].

Горизонт 1, завершающий, был представлен жилыми срубными постройками 1 и 2, расположенными на верхней площадке. В свою очередь, постройка 2 перекрывала собой постройку 8. Также к этому строительному горизонту был отнесен и «настил 1», расположенный на некотором удалении от подножия холма. Объекты располагались практически под дерном, древесина имела плохую сохранность. По этой причине дендродаты удалось получить только для настила. Поводом для отнесения к этому горизонту домостроений явилось обнаружение в основании чувала постройки 2 монет конца XVIII — начала XIX в., поздняя из которых отчеканена в 1801 г. [Федорова, 2006, с. 16].

В отсутствие дендродат было допущено, что к этому горизонту могут относиться и остатки постройки 4, которые занимали возвышенный участок площадки. Они не были перекрыты другими объектами. В то же время ее древесина имела гораздо лучшую сохранность, чем у построек 1 и 2. Высказанное предположение отличалось от мнения А.Г. Брусницыной о принадлежности ее к 1-й трети XVI в., основанного на имевшихся

дендродатах. Работа М.А. Гурской позволила окончательно отнести время ее сооружения к середине XVII в. [Гурская, 2008, с. 217].

В отношении построек 3 и 7 отмечается, что вскрыты лишь небольшие их фрагменты, которые не позволяют делать какие-либо выводы.

Публикация Н.В. Федоровой, в которой с разной степенью полноты представлены описания построек, остается единственной, посвященной архитектуре городища по материалам 1-го этапа. По сути, она завершает серию редких публикаций, в которых так или иначе обращались к архитектуре этого поселения. Существенным ее недостатком является отсутствие сопроводительных иллюстраций. В то же время описание каркасно-столбовых построек 10 и 11 основаны лишь на материалах первых стадий их изучения: полные сведения не были введены в оборот. При этом данные постройки остаются единственными столь ранними археологическими объектами домостроения коренного населения региона, представление о которых возможно получить практически с этнографической точностью.

Данные по датированию позволили выявить наиболее раннюю постройку (№ 5), возведенную с применением приемов срубного строительства. На основе этих данных Н.В. Федоровой высказано мнение о времени, когда население этой местности могло освоить эти специфические плотницкие приемы. Однако необоснованным выглядит упоминание начала XVI в. в качестве такого рубежа, в то время как сам исследователь называет конец XVI — начало XVII в. временем строительства этой постройки [Федорова, 2006, с. 16]. Этот же период окончательно подтвердила в своей публикации и М.А. Гурская [Gurskaya, 2006].

В качестве возможных факторов, обусловивших зарождение новых строительных технологий в регионе, названы «результат влияния или прямого совместного проживания с переселявшимися сюда из-за Урала коми» [Федорова, 2006, с. 17].

После четырехлетнего перерыва работы на памятнике были продолжены силами сотрудников ИАЭТ СО РАН (г. Новосибирск) под руководством А.В. Новикова; исследования проводились в период 2012–2016 гг.

В первый полевой сезон объектом для исследования был выбран участок на северной периферии верхней площадки холма, примыкающий к раскопам 2003–2005 гг. [Новиков и др., 2012]. В границы нового раскопа попали участки двух срубных построек, получивших обозначение 1 и 2². Стены срубов были смонтированы «в обло»; помеще-

ния отапливались печами-чувалами. В верхней части заполнения построек обнаружены по одному скелету собак, которые были интерпретированы как преднамеренные (ритуальные) погребения.

В 2013 г. полевые исследования были продолжены на той же площади [Новиков и др., 2013]. Дополнительно, в продолжение исходного раскопа, был заложен новый: по северному склону холма до подножия. Остатков строений здесь не выявлено. В пределах ранее вскрытой площади были исследованы постройки 1 и 2. Однако выбранный способ, при котором изучение локального участка постройки велось вглубь, а не вширь, имел существенные недостатки. Была утеряна целостность планиграфической связи с участками, остающимися за пределами раскопа. Это, как показали последующие раскопки, привело к ошибочной интерпретации ряда деталей построек. Основное внимание в предварительной публикации было уделено описанию выявленной постройки 3. Большая часть ее площади располагалась в пределах раскопа; стены рублены «в обло», в центральной части располагался открытый очаг. Также в этом сезоне исследованы остатки постройки 4 (сохранилась только нижняя часть одной стены с основанием дверного проема) и часть постройки 2А.

В 2014 г. исследования северной периферии верхней площадки холма были продолжены. Площадь раскопа была расширена в южном и восточном направлениях; на склоновом участке работы были прекращены [Новиков и др., 2014]. Общая площадь раскопов достигла 138 кв. м. Последующие работы были локализованы верхней площадкой.

Важным результатом стало полное исследование объекта, обозначенного ранее как «постройка 1». В ходе его детального изучения стало возможным говорить о ярусном расположении здесь остатков не менее двух построек, отличающихся по конструкции. Были выявлены такие элементы оформления строений, как коридор, дверной проем, остатки еще одного чувала, а также открытый очаг. По итогам изучения имеющихся деталей конструкции был предварительно выделен вариант постройки, обозначенный как 1А.

Новые сведения позволили серьезно пересмотреть наблюдения, представленные ранее в публикациях по объекту «постройка 1». Сведения, представленные в предварительной публикации 2012 г., необходимо соотносить со срубной постройкой 1 — верхним ярусом в этой группе строений. Высказанные в предварительной публикации по итогам 2013 г. предположения о назначении различных элементов конструкции в значительной степени относятся уже к другим

² С началом 2-го этапа для обнаруженных объектов была принята новая сквозная нумерация. Номера присваивались по мере обнаружения новых объектов.

ярусам застройки, но в то же время и некорректно передают их особенности [Новиков и др., 2014, с. 252].

По итогам доисследования построек 3 и 2А также были скорректированы некоторые выводы, представленные ранее. В частности, было установлено, что отдельные элементы, зафиксированные при зачистке постройки 3, принадлежат руинам другой постройки (3А), поверх которой и располагалась первая.

В 2014 г. было начато изучение архитектурного объекта, также оказавшимся многослойным, обозначенного изначально как «постройка 7». На первом исследованном уровне она характеризовалась как жилища постройки с классической срубной конструкцией. Стены собраны «в обло», в центре расположен открытый очаг; вдоль боковых стен располагались настилы-нары.

В 2015 г. исследования велись на двух раскопах общей площадью 145 кв. м. Усилия были направлены на изучение двух объектов — постройки 7, открытой в 2014 г., и срубной постройки 9 [Новиков и др., 2015]. В первом случае установлено, что срубное сооружение — это завершающий вариант развития жилого строения, существовавшего ранее в виде каркасно-столбовой конструкции. Однако остатки предшествующего сооружения не были исходными: они располагались поверх более ранней конструкции, изучение которой было начато в следующем году.

Постройка 9 расположена на участке нового раскопа, прилегающего к южной границе раскопа 2003–2005 гг. Однако начало исследованию данного объекта было положено еще на 1-м этапе работ. На тот момент он был известен как «постройка 6». В то время была вскрыта только северная стена сооружения и узкой участок помещения вдоль нее. Затем объект был законсервирован. В указанный год постройка была исследована полностью. Данный случай является единственным, когда на 2-м этапе работ было проведено доисследование объекта, открытого в 2003–2008 гг. С этой постройкой связано обнаружение на площади очага останков собаки, которые были интерпретированы как очередное преднамеренное погребение (№ 3).

2016 г. завершил 2-й этап полевых исследований. Изыскания проведены на трех участках памятника; общая площадь раскопов — 217 кв. м. Было продолжено изучение ярусов постройки 7; исследована срубная постройка 9А, на руинах которой была сооружена № 9 [Новиков и др., 2016]. Был заложен очередной раскоп — вдоль бровки западного склона холма. Новый раскоп позволил увеличить вскрытую площадь верхней площадки в южном направлении. Здесь, под дерном, были обнаружены остатки оче-

редной срубной постройки — № 10.

По итогам последнего года было установлено, что однокамерному срубному варианту объекта «постройка 7» предшествуют не менее двух вариантов двухкамерного каркасно-столбового жилища. Однако исходный уровень строительства остается пока не достигнутым. Особенностью исследованных ярусов в такого рода жилой застройке является преемственность в организации внутреннего пространства. Она заключается в неизменном местоположении очажной конструкции с выдерживанием ее основных параметров, и входного проема, ориентированного на внутреннюю часть территории, ограниченной границами верхней площадки. Другой принцип преемственности: границы конкретного участка для строительства очередного дома практически не изменялись со временем либо изменения эти были незначительны.

Изучение постройки 9 и остатков перекрываемых ею жилищ продемонстрировало, что и здесь застройка развивалась в соответствии с принципами преемственности, прослеженными на объекте «постройка 7». На выбранном для строительства жилого строения исходном участке с течением времени образовывались ярусы из остатков домов. Так, под срубным строением 9 располагались руины срубного строения 9А и каркасно-столбового 11 (исследовано не полностью). Имеются признаки, которые позволяют предполагать на этом месте и более раннее сооружение, входящее в комплекс этих построек.

В основании постройки 10 также располагались остатки другого сруба, от которого сохранилась часть нижнего венца.

С постройкой 7 и архитектурными объектами, выявленными ниже уровня постройки 9, были связаны ряд оригинальных археологических контекстов. Так, на площади первого объекта и по границе уровней построек 9А и 11 в районе входного проема были обнаружены по одной массивной «плахе», заканчивающейся расположенным на одной из ее плоскостей антропоморфным барельефом. Неожиданным событием стало также обнаружение в очаге постройки 11 парного погребения людей³.

Накопленный за время 2-го этапа материал по архитектуре позволил более подробно рассмотреть различные сюжеты в развитии традиционного домостроения на примере Усть-Войкарского городища.

По материалам 2012–2013 гг. были рассмотрены особенности построек 1, 2, 2А, 3, 4. Предварительные выводы об относительной последовательности сооружения построек были основаны на планиграфических и стратиграфических особенностях

³ Подробно погребальный комплекс рассмотрен в отдельной публикации [Батанина и др., 2019].

их расположения. Для обоснования предварительной хронологической привязки привлекались результаты датирования М.А. Гурской по объектам, выявленным на 1-м этапе [Новиков, Гаркуша, 2014]. Однако ряд некорректных предположений, вызванных тем, что на тот момент описываемые сооружения были исследованы не полностью, были воспроизведены и в данной публикации. К таковым относится интерпретация перекрытых развалом чувала скопления досок как части пола (срубная постройка 1) [Там же, с. 29–30]. В действительности они представляли собой развал деталей стенового набора из горизонтально набранных досок, укрепленных посредством вертикально установленных жердей. Помимо того, что жерди были «углублены в слой», логично допустить, что их фиксация происходила также посредством обойм-вкладышей — способом, реконструированным на ряде построек Надымского городка [Кардаш, 2009, с. 53, 55]. Этот участок стены относился уже к остаткам постройки нижнего яруса, получившей впоследствии обозначение 1А.

В отношении постройки 3 ошибочным оказалось утверждение о наличии на ее площади некой «двухвенцовой рамы» [Там же, с. 31]. В действительности контуры «рамы», проступившие на уровне нижнего венца, являли собой остатки венцов сруба (постройка 3А), непосредственно поверх которого и был сооружен сруб постройки 3.

По своим размерам жилые постройки были объединены в две группы: постройки со средней длиной стен около 2,5 м, но не превышающих 3 м (малогабаритные), и с длиной стен около 6–7 м. Группы сформированы без учета типов конструкций жилищ. В целом все исследованные постройки на 2-м этапе соответствуют предложенной классификации. Особенности группы малогабаритных строений рассмотрены в отдельной публикации [Гаркуша, Новиков, 2014]. Пока изучено только одно жилое строение, чьи габариты занимают промежуточное положение между двумя группами — постройка 10 [Гаркуша, 2017].

Предпринята попытка определения общих принципов размещения жилых построек на холме для поздних периодов застройки. Эти наблюдения сохранили актуальность и к концу 2-го этапа полевых исследований. Размещение построек напоминает пространственную организацию верхних горизонтов Надымского городка: центральная улица по длинной оси поселения, по обе стороны которой расположены обращенные входом друг к другу крупногабаритные строения. Периферийная часть занята малогабаритными строениями [Гаркуша, Новиков, 2014, с. 144; Новиков, Гаркуша, 2014, с. 32].

Предположение о параллельном размещении двух рядов построек получило под-

тверждение, пусть и косвенное, по результатам геофизических работ, проведенных в 2013–2014 гг. Итог таких исследований оказался неоднозначным. Плотная застройка, малая контрастность по физическим свойствам отдельных построек по сравнению с вмещающим слоем не позволили выявить аномалии, соответствующие отдельным домостроениям. Однако в теле холма удалось выделить две длинные параллельные линейные проводящие электромагнитный сигнал структуры, которые по своему расположению совпадают с расположением предполагаемой улицы с двумя рядами домов [Шеин, Гаркуша, Новиков, 2017].

В отдельных публикациях было рассмотрено устройство срубных построек 7 и 9, относящихся к группе крупногабаритных, и близкой к ней постройки 10. Представленная хронология этих объектов имеет предварительный характер. Она основана на сопоставлении планиграфических и стратиграфических наблюдений и дендродат, полученных для построек 1-го этапа [Гаркуша, Новиков, 2015; Гаркуша, 2016; 2017]. Общей чертой для перечисленных объектов явилось то, что они являли собой завершающий вариант развития жилой застройки на конкретном участке и демонстрировали определенную преемственность в ее развитии. Особенность застройки нижних ярусов практически не рассматривалась, так как на момент подготовки публикаций по ним отсутствовали репрезентативные данные.

Отдельные наблюдения, касающиеся некоторых длинностей элементов конструкции предшествующих ярусов, тем не менее были представлены. Однако последующие раскопки заставили скорректировать мнение об их назначении.

Так, упомянутая в описании постройки 7 обкладка стен котлована [Гаркуша, Новиков, 2015, с. 52] с большим основанием являлась остатками демонтированных вертикальных стеновых наборов построек нижних ярусов, которым были присвоены обозначения «постройка 7/1» и «7/2».

В случае с постройкой 9 удалось установить, что строение не подверглось преднамеренному единовременному разрушению, а было заброшено и разрушалось постепенно. Отмечена взаимосвязь ее конструктивных элементов и другой срубной конструкции, расположенной ниже. Она представлена 1–2 венцами и интерпретирована как остатки предшествующего жилища, получившего обозначение «постройка 9А» [Гаркуша, 2016].

Установлено, что внешнее ограждение, интерпретируемое авторами первых раскопок как «завалинка», фиксируется по крайней мере с трех сторон сруба. Вместе с тем появились основания для предположения, что так называемая завалинка — это остатки более ранней жилой постройки [Там же, с.

29–30]. Продолжение исследований на этом участке подтвердили это предположение: срубы сооружены на руинах каркасно-столбового жилища с вертикальным стеновым набором, располагаясь внутри пространства, ограниченного остатками его стен. Оно получило обозначение «постройка 11». Впрочем, такое заключение совершенно не исключает первичную интерпретацию: сохранившиеся остатки вертикальных стен могли выступать основой для теплосберегающей конструкции.

Постройка 10 по своим габаритам занимает промежуточное положение между выделенными двумя группами построек. В ее основании также обнаружена часть нижнего венца классического сруба, с большой вероятностью являющегося остатками раннего жилища [Гаркуша, 2017].

Специальные публикации по итогам 2-го этапа были посвящены анализу некоторых элементов дома: очажных устройств, используемых в помещениях, дверных проемов. Рассмотрена коллекция редких предметов для любого поселенческого памятника археологии — дверей

Исследованные очажные конструкции предложено разделить на три типа: 1) простые углубленные; 2) в прямоугольных деревянных рамах в несколько венцов; 3) чувалы. Среди данных типов привлекают особое внимание очаги 2-го типа. Они обладают определенной особенностью: при общем подобии внешнего вида очага использовались различные плотницкие приемы при его сооружении. К таковым отнесены угловое соединение встык и замковые соединения, используемые при типовом срубном строительстве. Важным наблюдением является то, что приемы срубного строительства были отмечены еще в очагах жилищ архаичного каркасно-столбового типа. Очаги типа 2 определены как одни из элементов интерьера, сохраняющих преемственность в своем размещении на различных ярусах крупногабаритной жилой застройки. Тем самым отмечается связь данных очагов с застройкой определенного типа, которая вследствие длительного функционирования на выбранных участках территории поселения приобретает значимый характер для его планировочной структуры [Гаркуша, Новиков, 2017].

При изучении дверных проемов были привлечены не только все соответствующие элементы построек, расположенные *in situ*, но и детали фасадов, содержащие элементы проемов (как правило, связанные с их основанием), обнаруженные в перетолженном положении. Таким образом, были привлечены к анализу материалы 15 проемов. Установлено, что все они предназначены для установки дверей с пяточными шипами. Конструкция дверей, несмотря на фиксируемые некоторые различия, находит

близкие, а в ряде случаев полные аналоги в конструкции дверных полотен в русском деревянном зодчестве. Наиболее ранние аналоги — в материалах Новгорода XII–XV вв.

Отмечено, что двери с шипами, как и проемы, предназначенные для их установки, в русском деревянном зодчестве прочно соотносятся со срубным строительством. Тем не менее войкарские материалы демонстрируют их использование жителями Приполярья Западной Сибири в постройках каркасно-столбового типа. Таким образом, конструкция дверных проемов, как и конструкция очагов 2-го типа, демонстрирует факты локального применения приемов срубного строительства в архаичной конструкции жилого дома еще до того, как местным населением был воспринят полный технологический цикл типичного срубного строительства.

Результаты дендрохронологического датирования показывают, что уже во 2-й половине XV в. местное население было знакомо с приемами срубного строительства. Появление в строительной культуре коренного населения дверных проемов и дверных полотен выявленных типов рассматривают как влияние материальной культуры жителей европейской части России [Гаркуша, Новиков, 2019].

Как известно, в традиционных культурах домостроение связано с обычаем принесения строительной жертвы, имеющим различное материальное выражение. Обнаружение погребений собак на площади войкарских жилищ позволило обратиться к этой теме. На основе стратиграфических наблюдений был сделан вывод об использовании для совершения погребений площадей уже покинутых жителями жилых построек. Таким образом, делается вывод, что контексты обнаружения не позволяют интерпретировать их как результат обрядовых действий, связанных с домостроительными ритуалами [Новиков, Гаркуша, 2016].

Итак, по результатам раскопок 2012–2016 гг., возможно утверждать о выявлении не менее 16 жилых построек, имеющих различную степень сохранности архитектурного облика. Вкупе с материалами полевых исследований 2003–2008 гг. были выявлены остатки около 30 построек. Доисследована 1 постройка, руины которой были законсервированы на 1-м этапе.

По данным дендрохронологии, время строительства построек, выявленных на 2-м этапе, укладывается в период последней трети XV в. — середины XVIII в. Полностью доминирующей срубная застройка становится к 40-м гг. XVIII в. В целом серединой XVIII в., вероятно, завершается активное строительство на поселении. Тем самым образуется хронологическая лакуна между капитальной застройкой середины XVIII в. и

отдельными строениями начала XIX в. Вероятно, столь поздняя строительная деятельность уже не была напрямую связана с историей городища [Гаркуша, 2019].

Выводы. Завершая обзор публикаций, связанных с изучением архитектуры Усть-Войкарского городища, считаем необходимым остановиться на некоторых моментах, связанных как с использованной методикой проведения раскопок, так и с интерпретацией полученных материалов.

Раскопки археологизированных деревянных построек происходят путем выборки их заполнения, расчистки прилегающей внешней территории и последовательного демонтажа сохранившихся элементов конструкции. Итогом может являться как выявление нескольких ярусов конструктивных элементов на площади отдельной постройки, свидетельствующих о проведении разных по масштабу ремонтных работ, так и понимание того, что исследуемый объект представляет собой группу из остатков различных построек, расположенных ярусом.

В этом случае практикуемый в начале 2-го этапа способ исследования, при котором до уровня своего основания исследовалась только часть строительного объекта, оказавшаяся в пределах раскопа, приводит к некорректному сопоставлению изученной площади с планиграфией вскрываемой позже части постройки. Следствием этого явились искажения в определении функционального назначения частично вскрытых элементов строения. Результатом стало появление в публикациях ряда некорректных предположений.

Необоснованным представляется проведение автономных раскопок на склоновых участках, что также приводит к потере планиграфической целостности с участками поселения, которые в ближайшей перспективе не будут подвергаться раскопкам. Кроме того, возникает угроза усугубления процесса разрушения культурного слоя и участков объектов, которые проявляются на склоне, но исследование которых приостанавливается.

Предположения о назначении отдельных сооружений или отдельных их элементов корректно будет сопровождать указанием степени их изученности в ходе раскопок. Такое дополнение поможет избежать абсолютизации предварительных суждений и придания им статуса проверенного факта в историографии. В частности, примером может служить выделение такого элемента, как «завалинка», у постройки 6 (9 — по нумерации, принятой на 2-м этапе). Продолжение раскопок этой конструкции после расконсервации показало, что она является остатками вертикального стенового набора постройки каркасно-столбового типа, сооруженной ранее на этом месте. Следова-

тельно, не исключено, что сооружения типа «частокол» и «плетень», выявленные на 1-м этапе раскопок, но не исследованные полностью, являются остатками каркасно-столбовых построек.

Также обращает на себя внимание вольное использование устоявшихся понятий из области деревянного домостроения. В публикациях авторов первых раскопок для части исследованных построек были некорректно указаны типы угловых сопряжений срубов. Это касается, в частности, построек 4, 6, 8. Сообщалось, что при монтаже стен здесь использовался технический прием «в лапу». Данное утверждение является недоуменным, так как и последующие работы на постройке 6 (по Н.В. Федоровой), и опубликованные иллюстрации по двум другим постройкам явно показывают, что бревна в венцах соединены «в обло» [Гурская, 2008, с. 230; Этническая архитектура., 2008, с. 44].

Знакомство с серией опубликованных материалов по археологическому изучению «городища», сопровождаемых дендрохронологическими датами, показывает, насколько разительно может отличаться предлагаемая хронология отдельных сооружений в разных публикациях. Причиной этому, как правило, является ввод в оборот неполных результатов датирования по отдельным объектам и их интерпретация без учета археологического и архитектурного контекстов принадлежности строительной древесины, от которой были отобраны образцы. Например, серия дат, полученная по образцам, происходящих от стен, дает большее основание говорить о времени строительства, нежели даты образцов, полученных от произвольно находящейся в заполнении древесины. Чтобы избежать трансформации сведений, имеющих предварительный характер, в проверенный факт историографии, целесообразно оговаривать их статус и указывать места отбора дендробразцов, по которым приводятся даты.

Встречающиеся в литературе случаи датирования по единичным или наиболее поздним датам не могут давать корректного представления о хронологии объекта. Проблематичность такой интерпретации дендродат нашла отражение во многих публикациях, касающихся методики дендрохронологического датирования в археологии [см., например: Черных, 1996, с. 58–64; Карпунин, 2016, с. 63–67].

Необходимо также отметить, что накопленный к этому времени материал не является репрезентативным для обоснованных предположений о размерах территории, занимаемой памятником, о планировочной структуре этого многослойного поселения в отдельные периоды его истории, о демографической ситуации. Решения этих вопросов

невозможны в отсутствие данных о площади, структуре и содержании культурного слоя, распространение которого не ограничивается только холмом, но и прослеживается на удалении от него⁴.

Определенную проблему могут представлять для читателя также различные версии наименования памятника, отличные от официального, которые периодически встречаются в публикациях. Используемые названия близки к наименованию других археологических памятников, известных в регионе, что несет в себе большой риск путаницы. При этом сопоставление приводимых сведений показывает, что речь идет об одном и том же объекте. К таким вариантам относятся: городище Усть-Войкарское I, городище Усть-Войкарское-I, городище (или поселение) Усть-Войкар. Иногда в качестве самостоятельного названия можно встретить ойконим исторического поселения — Войкарский городок.

Подытоживая обзор публикаций, посвященных археологическому изучению памятника, отметим, что в отсутствие публикации комплексного изучения всего массива накопленных данных он до сих пор остается в тени таких сопоставимых по структуре и информационному потенциалу поселенческих объектов региона, как Надымский городок, Полуиский мысовой городок, поселение Бухта Находка, городище Мангазея.

Список литературы

1. Бабаков В.Г. К этноисторическому изучению приобских хантов (по материалам переписей населения XVIII в. // СЭ. — 1976. — № 6. — С. 99–110.

2. Батанина О.В., Гаркуша Ю.Н., Зубова А.В., Новиков А.В., Поздняков Д.В. Комплексное антропологическое исследование останков из погребения в жилище на городище Усть-Войкарское (приполярная зона Западной Сибири) // Археология этнография и антропология Евразии. — 2019. — Т. 47. — № 4. — С. 140–153. DOI: 10.17746/1563-0110.2019.47.4.140-153

3. Брусницына А.Г. Городище Усть-Войкарское. Начало изучения // Угры: мат-лы VI Сиб. Симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». — Тольский: [б. и.], 2003. — С. 45–52.

4. Брусницына А.Г. Войкарский городок в XV–XIX вв. (по результатам раскопок 2003 и 2004 гг.) // Ямал между прошлым и будущим: приоритеты развития. — Екатеринбург;

Салехард: РА АРТмедиа, 2005. — С. 22–32.

5. Гаркуша Ю.Н. Об одном из типов «остяцких» жилых строений в Нижнем Приобье (по материалам археологического исследования городища Усть-Войкарское в 2015 г.) // Баландинские чтения: сборник статей научных чтений памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т архитектуры, дизайна и искусств, 2016. — Т. XI. — С. 27–34.

6. Гаркуша Ю.Н. Особенности строительства «остяцких» срубных жилищ на примере постройки № 10 городища Усть-Войкарское (по материалам археологического исследования в 2016 году) // Баландинские чтения: сб. статей научных чтений памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т архитектуры, дизайна и искусств, 2017. — Т. XII. — С. 14–22.

7. Гаркуша Ю.Н. Проблема соотношения археологического «городища» и исторического «городка»: историография вопроса (на примере городища Усть-Войкарское — Войкарского городка) // Вестник НГУ. Серия: история, филология. — 2019. — Том 18. — № 7: Археология и этнография. — С. 42–56. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-7-42-56.

8. Гаркуша Ю.Н. Дендрохронология городища Усть-Войкарское: новые результаты (по материалам работ 2012–2016 годов) // V Северный археологический конгресс: тезисы докладов. — Ханты-Мансийск; Екатеринбург: ООО Универсальная типография «Альфа-Принт», 2019. — С. 221–222.

9. Гаркуша Ю.Н., Новиков А.В. Некоторые особенности архитектуры и пространственной организации Войкарского городка // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. — Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2014. — Т. XX. — С. 142–145.

10. Гаркуша Ю.Н., Новиков А.В. Об одном из типов деревянных построек городища Усть-Войкарское (Нижнее Приобье): архитектурные особенности, археолого-этнографические параллели // Баландинские чтения: сборник статей научных чтений памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск: НГАХА, 2015. — Т. X. — Ч. 1. — С. 51–61.

11. Гаркуша Ю.Н., Новиков А.В. Очажные устройства в жилых постройках городища Усть-Войкарское (по материалам работ 2012–2016 годов) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. — Т. XXIII. — С. 294–299.

12. Гаркуша Ю.Н., Новиков А.В. Дверные проемы и дверные полотна из построек Усть-Войкарского городища (по материалам 2012–2016 годов) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. — Новосибирск: ИАЭТ

⁴ Упоминание об остатках «многочисленных построек в виде заросших возвышений, впадин и оснований срубов», выявленных на территории, непосредственно примыкающей к холму, имеется еще в публикации об итогах первого сезона раскопок [Брусницына, 2003, с. 48].

СО РАН, 2019. — Т. XXV. — С. 360–367. DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.360-367

13. Гурская М.А. Дендрохронологическая датировка археологических образцов древесины городища Усть-Войкарского (Северо-Западная Сибирь) // Фауна и флора Северной Евразии в позднем кайнозое. — Екатеринбург; Челябинск: Рифей, 2008. — С. 212–231.

14. Кардаш О.В. Надымский городок в конце XVI — первой трети XVIII вв. История и материальная культура. — Екатеринбург-Нефтеюганск: Магеллан, 2009. — 360 с.

15. Карпухин А.А. Дендрохронология в археологии: методические аспекты // Междисциплинарная интеграция в археологии (по материалам лекций для аспирантов и молодых сотрудников) — М.: ИА РАН, 2016. — С. 52–68.

16. Косинская Л.Л., Федорова Н.В. Археологическая карта Ямало-Ненецкого автономного округа. — Екатеринбург: УрО РАН, 1994 — 114 с.

17. Новиков А.В., Гаркуша Ю.Н. Некоторые особенности деревянного домостроительства абorigенного населения приполярной зоны Западной Сибири в XVII — XIX вв. (по материалам работ 2012–2013 гг. на Войкарском городке) // Баландинские чтения: сборник статей научных чтений памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск: НГАХА, 2014. — Т. IX. — Ч. 1. — С. 28–36.

18. Новиков А.В., Гаркуша Ю.Н. Вопросы интерпретации погребений домашних собак на городище Усть-Войкарское // Вестник угроведения. — 2016. — № 2. — С. 120–134.

19. Новиков А.В., Гаркуша Ю.Н., Шеин А.Н. Археолого-геофизические исследования Войкарского городка в 2013 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. — Новосибирск. ИАЭТ СО РАН, 2013. — Т. XIX. — С. 305–309.

20. Новиков А.В., Гаркуша Ю.Н., Шеин А.Н. Продолжение археолого-геофизических исследований Войкарского городка в 2014 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. — Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2014. — Т. XX. — С. 251–254.

21. Новиков А.В., Гаркуша Ю.Н., Новикова О.И., Кениг А.В., Мороз М.В. Городище Усть-Войкарское (Войкарский городок): продолжение исследований в 2015 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. — Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2015. — Т. XXI. — С. 365–369.

22. Новиков А.В., Гаркуша Ю.Н., Новикова О.И., Кениг А.В., Мороз М.В. Предварительные результаты исследований городища Усть-Войкарское в 2016 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. — Ново-

сибирск: ИАЭТ СО РАН, 2016. — Т. XXII. — С. 393–397.

23. Новиков А.В., Слюсаренко И.Ю., Швец О.Л., Ломов П.К. Предварительные результаты исследований на Войкарском городке в 2012 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. — Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. — Т. XVIII. — С. 262–266.

24. Перевалова Е.В. Северные ханты: этническая история. — Екатеринбург: УрО РАН, 2004. — 414 с.

25. Федорова Н.В. Городище Усть-Войкарское (Войкарский городок) // Проблемы межэтнического взаимодействия в Сибири. — Новосибирск: АртИнфоДата, 2004. — Вып. 2. — С. 106–108.

26. Федорова Н.В. Войкарский городок. Итоги раскопок 2003–2005 гг. // Научный вестник ЯНАО. — 2006. — Вып. 4. — С. 11–17.

27. Черных Н.Б. Дендрохронология и археология. — М.: Nox, 1996. — 216 с.

28. Шеин А.Н., Гаркуша Ю.Н., Новиков А.В. Возможность применения геофизических методов на поселенческих комплексах Приполярья (по материалам работ на городище Усть-Войкарское) // Вестник НГУ. — Серия: История, филология. — 2017. — Т. 16. — № 7: Археология и этнография. — С. 50–65. DOI 10.25205/1818-7919-2017-16-7-50-65

29. Этническая архитектура и традиционное природопользование в проекте музейной экспозиции под открытым небом. Концепция Природно-этнографического парка-музея «Живун» — Мужички: Фотостудия «65-я параллель». — Екатеринбург: Рекламное агентство «Созвездие», 2008. — 100 с.

30. Gurskaya M. Preliminary tree-ring dating of historical wood from Ust-Voykar settlement (15th–20th centuries), Northwestern Siberia // Tree-rings in archaeology, climatology and ecology. — 2006. — Vol. 54. — Pp. 236–243.

Список сокращений

ИА — Институт археологии
 ИИА — Институт истории и археологии
 ИАЭТ — Институт археологии и этнографии
 НГАХА — Новосибирская государственная архитектурная академия
 НГУАДИ — Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств
 НГУ — Новосибирский государственный университет
 ОМВК — окружной музейно-выставочный комплекс
 РАН — Российская академия наук
 СО РАН — Сибирское отделение РАН
 СЭ — Советская этнография
 УрО РАН — Уральское отделение РАН
 ЯНАО — Ямало-Ненецкий автономный округ